В. Тотоміанцъ.

Фурье и Кооперація.

Цѣна 7 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЛУЧЪ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская 31.
1906.

B
F774t
Storage

Шарль Фурье и кооперація *).

Кооперативное движеніе, выросшее изъ народа и опирающееся на классовую солидарность и практическое сотрудничество многихъ индивидуумовъ, не пріурочивается такъ непосредственно къ великимъ и блестящимъ именамъ, какъ политическое и научное движеніе. Скромная кооперативная дѣятельность остается въ тѣни сравнительно съ бросающеюся въ глаза и привлекающею многихъ политическою дѣятельностью. Постоянно занимаясь матеріальными интересами нижнихъ слоевъ населенія, кооперативное движеніе крѣпнетъ, такъ сказать, изнутри, возникаетъ на фундаментѣ отдѣльныхъ невидныхъ экспериментовъ и вновь вырабатываемаго опыта. Тѣмъ не менѣе, и оно не можетъ обходиться безъ научныхъ указаній, и если успѣхи этого движенія, наблюдаемые особенно въ послѣднее время, лишь въ незначительной степени являются результатомъ теоретически-спекулятивныхъ усилій, то въ началѣ ему плодотворно содѣйствовали геніальные люди, извѣстные, какъ теоретическіе, по преимуществу, мыслители.

Въ Англіи кооперативная идея, какъ извѣстно, обязана своимъ возникновеніемъ геніальному Роберту Оуэну, самоотверженная работа котораго для поднятія матеріальнаго и мо-

*) При составленіи этой брошюры, напечатанной сначала въ журналѣ «Образованіе» (№ 11-12, 1905 г.), мы, кромѣ сочиненій Фурье, пользовались главнымъ образомъ Jarbuch-омъ des Verbands schweiz. Konsumvereine für 1905.

ральнаго уровня рабочаго класса нашла почти всеобщее признаніе еще при его жизни. Напротивъ, французъ Шарль Фурье, по разнымъ причинамъ, не нашелъ до сихъ поръ должнаго признанія среди широкихъ слоевъ населенія. Между тѣмъ, онъ особенно заслуживаетъ изученія, вслѣдствіе рѣзкой и блестящей критики условій и учрежденій окружавшей его среды, въ особенности коммерческой жизни и ея темныхъ сторонъ, вслѣдствіе пророческаго предвидѣнія измѣненій капиталистическаго строя и. конечной цѣли человѣчества.

Съ Фурье случилось то, что обыкновенно бываетъ съ генiями: чѣмъ выше ихъ мышленіе и предвидѣнія, тѣмъ менѣе они понятны современникамъ. Дѣятельность Роберта Оуэна была гораздо плодотворнѣе и популярнѣе потому, что имѣла мѣсто въ странѣ, гдѣ развитіе капитализма гораздо ранѣе расчистило путь для реформъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ во Франціи. Притомъ Оуэнъ былъ прежде всего практикомъ, владѣвшимъ большимъ капиталомъ для экспериментовъ. Только послѣ практическихъ опытовъ въ Нью-Ланаркѣ, произведенныхъ не только съ осторожностью, но и съ юношескою энергіею, онъ выступилъ передъ публикой въ качествѣ теоретика. Такъ, на основаніи развитыхъ техническо-экономическихъ условій и пользуясь вдобавокъ богатствомъ, онъ пріобрѣлъ славу, которая распространилась за границами Великобританіи и не увяла въ послѣдствіи, несмотря на презрѣніе чванной англійской аристократіи.

Сравнительно съ жизнью и успѣхами Оуэна жизнь Фурье была скромна и отчасти покрыта мракомъ. Между тѣмъ, онъ стремился къ той же цѣли, что и Оуэнъ, его намѣренія были проникнуты тѣмъ же великодушіемъ и стремленіемъ къ справедливости. По мнѣнію обоихъ, мѣсто экономическаго хаоса должна занять гармонія, борьбу противъ всѣхъ должно замѣнить солидарное взаимодѣйствіе движущихъ силъ соціальной и культурной жизни. Однако, для всего этого во Франціи

начала 19-го столѣтія путь проложенъ не былъ. Отважный реформаторъ родился очень рано. Въ экономическихъ и политическихъ условіяхъ своей родины онъ нашелъ черезчуръ мало точекъ опоръ для своихъ теоретическихъ взглядовъ, а неблагопріятное матеріальное положеніе, въ которомъ онъ находился, въ то же время лишало его возможности попытаться осуществить свои проекты и при помощи практики сдѣлать пересмотръ своихъ научныхъ представленій. Къ этому нужно прибавить еще то, что въ экономической области научное изслѣдованіе добилось тогда мало положительныхъ результатовъ. Политическая экономія, развитіе которой, какъ науки подвинулось впередъ послѣ разложенія феодальнаго строя только въ лицѣ Адама Смита имѣла выдающагося представителя, авторитетное ученіе котораго въ общемъ являлось апологіей новаго промышленнаго и торговаго вѣка безъ указанія на темныя стороны капиталистическаго развитія. Фурье, чтобы избѣжать рѣзкой полемики съ этимъ первымъ провозгласителемъ теоріи laisser faire, а также съ его французскимъ единомышленникомъ Жанъ-Баптистъ Сэемъ, черпалъ свои аргументы не только изъ экономики, но бралъ также данныя и гипотезы естественныхъ наукъ, которыми подкрѣплялъ свои воззрѣнія.

Фурье родился въ 1772 году въ Безансонѣ, гдѣ его отецъ торговалъ сукномъ. Родители его хотѣли, чтобы онъ занялся торговлей, къ которой—по его собственному признанію—онъ не имѣлъ никакой склонности. Учителя давали о немъ неблагопріятные отзывы. Онъ былъ очень неловокъ и непрактиченъ, какъ большинство великихъ людей, сильный и оригинальный умъ которыхъ съ юношества не подчиняется тискамъ педантичныхъ учебныхъ правилъ. Неопытность въ практическихъ дѣлахъ, отсутствіе умѣнья приспособляться и въ позднѣйшій періодъ его жизни были причиной матеріальныхъ неудачъ, несчастій и разочарованій. Хотя отецъ оставилъ ему состояніе въ 80.000 франковъ, но онъ потерялъ большую

часть его вслѣдствіе военныхъ событій того времени, въ особенности вслѣдствіе осады Ліона, — гдѣ онъ въ 1793 году открылъ колоніальный магазинъ, — войсками Конвента. Лишенный своей матеріальной независимости незаслуженнымъ несчастіемъ, онъ былъ принужденъ добывать себѣ пропитаніе на службѣ у чужихъ, занимаясь конторской работой. И этотъ періодъ испытаній длился долго. Еще въ 1827 году, т. е. за 10 лѣтъ до своей смерти, онъ былъ корреспондентомъ одного американскаго торговаго дома въ Парижѣ. За это время ему однажды улыбнулось было счастье вдругъ сдѣлаться знаменитостью и выступить на другомъ поприщѣ. Въ 1803 году онъ опубликовалъ въ ліонской газетѣ „Bulletin de Lyon» статью относительно объединенія европейскихъ государствъ для установленія вѣчнаго мира, которая привлекла вниманіе Наполеона I и повела къ слѣдствію противъ автора, но по просьбѣ издателя дѣло было замято.

Лишившись вниманія постороннихъ, Фурье съ обновленной энергіей взялся за изученіе тѣхъ наукъ, къ которымъ его влекло еще въ началѣ коммерческой карьеры: астрономіи, физики и исторіи. Онъ сидѣлъ по вечерамъ и ночамъ и читалъ Платона, Сократа, Ньютона, Лейбница, Руссо, С-Пьера и др. Это были годы, когда Фурье отбросилъ старое міровоззрѣніе и началъ плодотворную творческую дѣятельность. Въ 1799 году въ общемъ оформились его натуръ-философскія мысли, лежащія въ основаніи его трудовъ. Въ то же время подъ вліяніемъ профессіи сложился его критическій взглядъ на торговлю. По его собственному сообщенію въ книгѣ „Théorie des Quatres Mouvements“, ему, какъ приказчику, въ 1799 году въ Марселѣ пришлось выбросить въ море 20,000 центнеровъ риса, который торговецъ для поднятія цѣнъ долго хранилъ и потому испортилъ. Этотъ и другіе случаи раскрыли ему нехозяйственность торговой организаціи и проистекающій изъ послѣдней ущербъ для общества. Онъ видѣлъ, что предметы ежедневнаго потребленія народа,

масса продуктовъ человѣческаго труда, служатъ объектомъ торговой спекуляціи; онъ видѣлъ, какъ производство товаровъ, весь процессъ производства стѣснялся путемъ повышенія цѣнъ въ торговлѣ сырьемъ. Далѣе онъ позналъ нерентабельность домашняго и сельскаго хозяйствъ, какъ слѣдствія индивидуальнаго производства, размноженія владѣній и раздробленія силъ. И эта неправильность организаціи коммерческой и промышленной дѣятельности представлялась ему въ связи съ другими явленіями культурной жизни, переносилась имъ на политическое, духовное и физическое человѣчество. Индивидуумъ лишенъ свободы, его матеріальное существованіе почти всецѣло зависитъ отъ непланомѣрныхъ операцій торговаго капитала; его чувства и наклонности подавлены средой, въ которой случай или произволъ событій указалъ ему мѣсто. Политическимъ учрежденіямъ не доставало постоянности, народамъ — матеріальнаго благоденствія, между тѣмъ какъ была возможность освободить ихъ отъ всевозможнаго гнета; человѣчеству недоставало счастья, идеальнаго развитія въ единствѣ и гармоніи интересовъ.

Куда онъ ни смотрѣлъ, всюду видѣлъ противорѣчія, антагонизмъ и абсурдъ. И этого міра, полнаго недостатковъ и диссонансовъ, никто до него не освѣтилъ такъ ярко. Напрасно онъ обратился къ философіи. Энциклопедисты, просвѣтители 18-го столѣтія, остроумно рѣшали всевозможные вопросы. Они отдали пальму первенства разуму и подняли умственныя требованія своего времени. Однако, реформу общества они ставили въ зависимость отъ измѣненія самихъ индивидуумовъ, отъ перемѣны ихъ природы и признали за ними большое количество обязанностей и правъ. Права же общества по отношенію къ индивидуумамъ не нашли въ ихъ тонкой аргументаціи никакого подкрѣпленія, и они не могли предугадать первостепеннаго значенія торговыхъ и промышленныхъ учрежденій для соціальнаго благоденствія всѣхъ. Съ

другой стороны, моралисты еще менѣе посодѣйствовали уясненію противорѣчивыхъ явленій общественной жизни. Въ скромности и довольствѣ, въ ненависти къ богатству, въ подавленіи страстей они видѣли спасеніе отъ порчи, отъ гибели всего существующаго. Но исторія вдвойнѣ наказала ихъ: всѣ ихъ старанія подавить страсти, создать довольство и презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ не помѣшали тому, что великая революція вскорѣ же разрушила существующій порядокъ. Подавленіе страстей привело къ потрясшему все взрыву, который хотѣли предупредить. А богатство, съ которымъ не считались моралисты, возросло въ формѣ торговаго капитала, передъ которымъ преклонялись даже князья и правительства.

Такимъ образомъ философія и мораль, по мнѣнію Фурье, оказались окончательно несостоятельными, и онъ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи констатировать ихъ полное фіаско во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Когда много позже Карлъ Марксъ, оцѣнивая философію Фейербаха, заявилъ, что философы только различно интерпретировали міръ, между тѣмъ какъ нужно его измѣнить, то онъ этитъ самымъ формулировалъ мысль, которая въ различныхъ варіаціяхъ высказывается Фурье во всѣхъ главахъ его геніальнаго произведенія. Но мѣсто философовъ и моралистовъ заняли экономисты и пытались овладѣть руководствомъ общественнымъ мнѣніемъ. Ихъ теоріи были также несостоятельны и вдобавокъ въ нѣкоторомъ смыслѣ опаснѣе, чѣмъ прежнія. Политическая экономія съ ея восхваленіемъ торговли и свободной конкурренціи казалась Фурье только превращеніемъ аскетической и филистерской морали въ ея противоположность: въ разнузданность страсти любостяжанія и въ безцеремонную жадность къ пріобрѣтенію. Съ этой точки зрѣнія представители политической экономіи не только не выработали полезнаго научнаго познанія, но даже внесли новый пагубный принципъ въ противорѣчивый міръ коммерческихъ и промышленныхъ отношеній.

II.

Въ 1808 году появился трудъ Фурье. Этотъ трудъ долженъ былъ служить введеніемъ къ соціальной системѣ Фурье и быть „проспектомъ“ послѣдующихъ томовъ его сочиненій. На самомъ же дѣлѣ онъ составлялъ резюме ученія Фурье, которое не подверглось радикальнымъ измѣненіямъ въ другихъ трудахъ: „Traité de l'Association Domestique Agricole“ и „Le Nouveau Monde Industriel“. Въ первомъ своемъ трудѣ авторъ не обратилъ никакого вниманія на систематическое расположеніе матеріала и вообще на внѣшнюю форму выраженія мыслей, его занимало только содержаніе, объектъ изслѣдованія. Каково же это содержаніе? Названіе сочиненія уже намекаетъ на него. Въ четырехъ движеніяхъ совершился, по мнѣнію Фурье, процессъ жизни. Первыми изъ этихъ движеній являются тѣ, которыя лежатъ въ основаніи измѣненій космоса, т. е. управляющее планетами притяженіе тѣлъ, открытое Ньютономъ. На ряду съ этимъ „матеріальнымъ“ движеніемъ Фурье называетъ три другихъ движенія, которыя только въ координаціи съ первымъ объясняютъ жизнь мірозданія: органическое, животное и соціальное движеніе. Открытіе трехъ послѣднихъ движеній Фурье приписывалъ себѣ. Въ человѣчествѣ, училъ онъ, господствуютъ страсти, которыя являются особой формой проявленія вездѣсущей силы притяженія. Соціальное движеніе — ничто иное, какъ отрасль матеріальнаго движенія космоса. Поэтому для познанія и обоснованія его нужно примѣнить точный методъ изслѣдованія, посредствомъ котораго рѣшилась бы загадка космическаго движенія. Сообразно съ этимъ Фурье хочетъ поднять соціальную науку въ рангъ точной науки, вывести принципы соціальнаго порядка изъ принциповъ космическаго порядка.

Базируя на этомъ основномъ міровоззрѣніи, Фурье строитъ систему, которая на ряду съ поразительно тонкими и удачными

наблюденіями содержитъ въ себѣ наивныя и субъективно-фантастическія утвержденія. Человѣчество 70,000 лѣтъ проживетъ въ счастьи, послѣ того, какъ ему 5,000 лѣтъ придется выносить ярмо рабства и нужды. Исторія человѣчества имѣетъ 7 главныхъ періодовъ, изъ которыхъ пятый, цивилизацію, мы переживаемъ теперь. Этотъ послѣдній періодъ, равно какъ и всѣ предыдущіе періоды со всѣми ихъ промежуточными ступенями и общественными образованіями —результатъ частичныхъ божественныхъ творчествъ. Раздѣляя библейскія традиціи, Фурье опредѣляетъ продолжительность (до него) существованія міра въ 6—7,000 лѣтъ, относительно же кончины міра его идеи согласовались съ эволюціонной теоріей Канта и Лапласа. Предыдущій ошибочный взглядъ былъ болѣе ошибкой его современниковъ, которые имѣли очень странныя понятія о доисторическомъ мірѣ. Болѣе строго слѣдуетъ относиться къ сужденіямъ Фурье относительно историческихъ фазъ соціальнаго развитія. Важнѣйшіе успѣхи общественнаго цѣлаго, поскольку въ нихъ участвовало человѣческое усмотрѣніе, онъ приписывалъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ: Ньютонъ открылъ законъ матеріальнаго притяженія, какъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку, а одинъ умный кузнецъ „изобрѣлъ“ въ среднихъ вѣкахъ стремя. Изъ этого онъ дѣлалъ заключенія, что и новообразованіе соціальнаго порядка будетъ результатомъ открытія, величайшаго изъ всѣхъ открытій, ибо оно заключается въ познаніи универсальности законовъ притяженія, универсальности, дающей ключъ къ познанію всѣхъ соціальныхъ явленій. Если это открытіе удалось ему, Фурье, то только благодаря ограниченности и помѣшательству моралистовъ и философовъ, изучавшихъ механизмъ идей и запутавшихся въ мельчайшихъ деталяхъ идеологіи вмѣсто того, чтобы понять сущность соціальнаго организма. Это открытіе могло быть сдѣлано даже въ древней Греціи, если бы мнѣнія о дѣйствительной задачѣ соціальнаго изслѣдованія не были запутаны софистами.

По плану Фурье, наши общественныя учрежденія и отношенія нужно устроить такъ, чтобы между ними и между естественными законами притяженія не было больше конфликтовъ. Природа вложила въ насъ нѣкоторое количество потребностей или страстей, подавленіе которыхъ было альфой и омегой мудрости моралистовъ. Истинная задача новатора должна заключаться въ томъ, чтобы *приспособить соціальную организацію къ свободной игрѣ этихъ потребностей.* Потребности — неизмѣнны, естественны и потому законны, соціальная же организація есть непостоянное и полное погрѣшностей произведеніе нашего заблуждающагося разума. Приспособленіе общественной организаціи къ свободному функціонированію потребностей не можетъ совершиться ни путемъ политическо-административныхъ мѣропріятій, ни путемъ распространенія нравственно-философскихъ понятій. Оно требуетъ измѣненій въ *хозяйственной* и *коммерческой* структурѣ общества, измѣненія въ способѣ *производства* и *циркуляціи* благъ.

Съ момента, когда Фурье съ приведенными подъ конецъ заключеніями выступаетъ изъ области неопредѣленныхъ историческихъ гипотезъ на почву современности, особенно выдѣляется его выдающееся дарованіе, носящее критическій и аналитическій характеръ. Онъ очень легко доказываетъ, что огромное большинство его современниковъ страдаетъ отъ учрежденій и экономическихъ условій, среди которыхъ живетъ.

Счастье человѣка заключается во владѣніи, дающемъ ему возможность удовлетворять свои потребности. Огромное большинство народа, какъ неимущее, не можетъ удовлетворять даже требованій своихъ пяти чувствъ. «Здоровый желудокъ и хорошій аппетитъ—замѣчаетъ онъ—не выручаютъ, если нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за обѣдъ. Кто не имѣетъ су, тотъ осужденъ на голодную смерть, косвенное умерщвленіе чувствъ. Слѣдовательно, послѣднія не могутъ

прямо развиваться безъ посреднической роли денегъ, которымъ въ цивилизаціи все подчинено. Съ другими четырьмя чувствами—продолжаетъ онъ—обстоитъ также, какъ и со вкусомъ; каждое изъ нихъ ограничено въ своемъ развитіи. Тщетно стремленіе развить слухъ; если у васъ нѣтъ денегъ, то вамъ прекращаютъ доступъ въ оперу или въ концертный залъ, которые посѣщаются часто людьми, имѣющими плохой слухъ, но хорошія деньги» [1]).

Обстоятельно и мѣтко критикуетъ авторъ меркантильный характеръ брака, пагубную роль денегъ въ вопросахъ любви, экономическое и половое рабство женщинъ. Онъ характеризуетъ это зло въ его связи съ соціальной организаціей. Бракъ въ лучшемъ случаѣ бываетъ объединеніемъ интересовъ супруговъ, союзомъ противъ общественныхъ безобразій. Незначительная степень развитія тогдашней индустріи дѣлаетъ понятнымъ, почему ассоціаціонные планы Фурье касаются главнымъ образомъ сельскаго хозяйства, соціальная организація котораго должна быть дополнена групповымъ хозяйствомъ. Однако Фурье вовсе не является одностороннимъ представителемъ интересовъ крестьянства. Его ассоціація, распространяющаяся на всѣ страны и континенты и имѣющая мѣстные центры въ формѣ общинныхъ конторъ, а затѣмъ «фаланги», регулирующе дѣйствуетъ на самыя мелкія операціи торговли и промышленности. Фурье примѣняетъ свой принципъ ассоціаціи первымъ долгомъ къ сельскому хозяйству потому, что оно являлось господствующимъ занятіемъ. Приводя же въ параллель старый индивидуалистическій и представляющійся ему новый кооперативный методъ работы, онъ открываетъ для коопераціи прямо-таки блестящія перспективы хозяйственнаго и общественнаго благоденствія.

---

[1]) Théorie des Quatres Mouvements. XII глава. стр. 113-ая

Весьма обстоятельно и детально выясняетъ онъ непосредственныя выгоды кооперативнаго объединенія для крестьянъ одной деревни, кое-какъ живущихъ сбытомъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. „Просто изумишься — заявляетъ онъ, если высчитаешь огромныя преимущества, которыя проистекутъ отъ объединенія 300 крестьянскихъ хозяйствъ... Триста амбаровъ, которыми пользуются 300 семействъ деревни, могли бы быть замѣнены однимъ огромнымъ амбаромъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ санитарнымъ требованіямъ и въ которомъ были бы отдѣленія для различныхъ продуктовъ. Въ такомъ амбарѣ можно бы объединить всѣ преимущества центральнаго освѣщенія, вентиляціи, отопленія, выставки и пр., о чемъ не можетъ и мечтать каждый крестьянинъ въ отдѣльности. Часто даже весь дворъ послѣдняго бываетъ, вслѣдствіе своего положенія, непригоденъ для сохраненія продуктовъ. Въ противоположность этому кооперація (фаланга) сооружаетъ удобныя, какъ по общему своему устройству, такъ и по частностямъ (погребъ, амбаръ и т. д.), зданія. Стоимость сооруженія такого огромнаго зданія съ его стѣнами, балками, дверьми, крышею, далѣе страхованіе отъ пожара, насѣкомыхъ и т. д. едва достигнетъ одной десятой того, что стоятъ 300 деревенскихъ амбаровъ, ограничивающихся однимъ этажемъ, между тѣмъ какъ подъ одной крышей можно бы устроить три этажа. Кооперативный амбаръ имѣлъ бы только десять дверей тамъ, гдѣ наши крестьяне употребляютъ 300 дверей; и такъ было бы во всемъ» [1])...

«Общее управленіе даетъ массу экономіи въ мѣрахъ, которыя мы считаемъ производительными. Такъ, 300 семействъ деревни посылаютъ въ теченіе года своя продукты на рынки и базары не одинъ разъ, а 20 разъ. Крестьянинъ любитъ тратить время на базарахъ и въ кабакахъ. Если ему приходится даже сбыть одну мѣру бобовъ, то онъ проводитъ цѣлый день въ городѣ, а это для 300 семействъ означаетъ потерю въ среднемъ 600 рабочихъ дней, не считая стоимо-

---

[1]) Théorie de l'Unité universelle. Томъ III, стр. 8—9.

сти перевозки, которая въ 20 разъ превосходитъ кооперативную... Когда деревня находится недалеко отъ города, то нерѣдко можно наблюдать, какъ 300 семействъ выдѣляютъ 100 молочницъ съ сотнею посудъ, которыя для продажи молока въ городѣ теряютъ утренніе часы ста дней. Ясно, что ихъ можно замѣнить одной женщиной и телѣгой, запряженной осломъ. Получилось бы двойное сбереженіе, если бы этой женщинѣ пришлось сбывать молоко: въ двухъ или трехъ большихъ помѣщеніяхъ (въ групповыхъ хозяйствахъ, которыя будутъ представлять кооперативный режимъ городовъ), двойное сбереженіе размѣромъ до 90% времени и людей.

Фурье, приводя цѣлый рядъ хозяйственныхъ функцій, которыя будутъ чрезвычайно упрощены въ кооперативномъ производствѣ, не теряетъ изъ виду также преимуществъ, которыя пойдутъ на пользу потребителей, вслѣдствіе разумно организованнаго сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Одновременно съ устраненіемъ осложненій въ сбытѣ, прекращеніемъ посылки на рынокъ 300 лицъ, заключеніемъ 300 сдѣлокъ устраняются и всѣ другія осложненія. Если одинъ кантонъ продаетъ тремъ другимъ кантонамъ 3000 центеровъ зерна, то заботиться о молотьбѣ и сохраненіи приходится не 900 хозяйствамъ, а только тремъ. Послѣ того какъ при продажѣ съэкономлено 99% распредѣлительной работы, экономія въ издержкахъ управленія и употребленія повторяется и для потребителей... По этому поводу замѣтимъ, что кооперативныя сбереженія почти всегда бываютъ двоякаго рода, такъ какъ они, подобно только что приведеннымъ сокращеніямъ издержекъ продавца, обуславливаютъ уменьшеніе издержекъ потребителя.

Но самую дѣйствительную и необходимую защиту интересовъ потребителей нужно видѣть въ распространеніи кооперативнаго воздѣйствія на образованіе цѣнъ продуктовъ, т. е. въ устраненіи ростовщической и паразитной посреднической торговли. Кооперативная организація выполнитъ свою высо-

кую хозяйственную и культурную миссію тогда, когда она устранитъ налогъ, взимаемый съ потребительскихъ благъ народа большими торговыми и транспортными компаніями, биржевыми дѣльцами и цѣлой стаей мелкихъ торговцевъ. Такое заключеніе у Фурье вытекаетъ изъ его наблюденій и опыта, какъ практическаго комерсанта; поэтому и критика его въ этой области особенно мѣтка и уничтожающа. Только нѣкоторыя изъ его положительныхъ предложеній,—такъ предложенный имъ въ 1808 году континентальный запретъ противъ Англіи, которымъ онъ надѣялся уничтожить монополію англійскихъ торговыхъ компаній, каковая попытка была сдѣлана нѣсколько лѣтъ спустя Наполеономъ I и не удалась не только по однимъ политическимъ причинамъ,—оказались не выполнимыми. Тамъ же, гдѣ онъ критикуетъ торговлю и ея наросты въ ихъ непосредственномъ вліяніи на хозяйственную жизнь, а также вліяніе меркантильнаго духа на все современное ему общество, его сужденія оказываются чрезвычайно правильными и дальновидными. Онъ говоритъ о торговомъ феодализмѣ, характеризующемъ послѣдніи фазисъ цивилизаціи, о неправильномъ движеніи общества, вслѣдствіе экономической безсмысленности его организаціи.

Экономисты уже тогда прославляли свободную конкурренцію, которая будто бы сама уничтожаетъ свои вредныя послѣдствія и выравниваетъ созданныя ею противоположности. Фурье опровергаетъ это воззрѣніе, какъ софистическую защиту коммерческихъ интересовъ, указывая на то, что въ эпоху свободной конкурренціи главные рычаги торговли, а именно обманъ, спекуляціи и ростовщичество, прямо стѣсняютъ циркуляцію товаровъ и этимъ приводятъ въ разстройство все народное хозяйство. Хваленая роль торговли, какъ посредника между народами и континентами, какъ колыбели культуры и новыхъ потребностей, вовсе не кажется ему лестной.

По его мнѣнію, торговый духъ открылъ новый путь преступленіямъ. Въ каждую войну онъ распространяетъ вражду

на оба полушарія и доводитъ жадность цивилизованныхъ людей до порога дикихъ. Онъ пишетъ, что корабли рыщутъ по всему свѣту для того, чтобы привить наши пороки и предразсудки варварамъ и дикарямъ. Но отъ „благодѣяній“ торговли все-таки непосредственнѣе и болѣе всего страдаютъ культурные народы. Неужели вы думаете,—спрашиваетъ онъ, обращаясь къ цивилизованнымъ народамъ,—что приближаетесь къ истинѣ и къ природѣ, боготворя торговлю, представляющую постоянную практику лжи и мошенничества?

Критически расчленяя весь механизмъ торговли и освѣщая вопросъ многими конкретными примѣрами, авторъ подробно указываетъ на ущербъ и потери, причиняемые коммерческой практикой народу, т. е. первымъ долгомъ массѣ потребителей. Четыре темныхъ стороны, которыя въ своемъ взаимодѣйствіи и во взаимномъ дополненіи ведутъ къ систематическому грабежу общества, имѣетъ торговая система современниковъ. Фурье называетъ: банкротство, ростовщическую скупку товаровъ, биржевую спекуляцію и паразитство или потерю силъ и времени, вслѣдствіе излишка посредническихъ звеньевъ. Свое мнѣніе объ этихъ четырехъ темныхъ сторонахъ торговли Фурье резюмируетъ слѣдующимъ образомъ.

Банкротство обираетъ общество въ пользу купцовъ, которые никогда не терпятъ убытка. Дѣло въ томъ, что осторожный торговецъ напередъ принимаетъ въ разсчетъ рискъ своего банкротства и соотвѣтственно съ этимъ нормируетъ свою прибыль. Если же онъ неостороженъ или форменный мошенникъ (послѣднее качество очень распространено въ торговлѣ), то онъ ни на минуту не поколеблется объявить злостное банкротство, соблюдая свою выгоду. Однимъ словомъ, банкротство приноситъ ущербъ обществу, а не торговцамъ.

Ростовщическая скупка грабитъ общество, ибо вздорожаніе скупленнаго сырья въ послѣднемъ счетѣ отражается на потребителѣ.

Биржевая спекуляція отвлекаетъ отъ общества капиталы

для того, чтобы, играя на повышеніи и пониженіи, обогащать беззастѣнчивыхъ биржевиковъ. Вслѣдствіе этого, обработка земли и фабрики получаютъ нужные имъ капиталы только за большіе проценты, и полезныя предпріятія, съ трудомъ дающія прибыль, презираются биржевой спекуляціей, поглощающей большую часть обращающихся платежныхъ средствъ

Паразитство или излишекъ агентовъ причиняетъ обществу ущербъ, во-первыхъ, тѣмъ, что отвлекаетъ большое количество рукъ къ непроизводительной работѣ, а, во-вторыхъ, ведетъ къ безнравственности и безпорядку [1]), вслѣдствіе ожесточенной борьбы многочисленныхъ торговцевъ...

Всеобщее вздорожаніе товаровъ, какъ слѣдствіе большого количества торговцевъ-паразитовъ, кажется Фурье столь очевиднымъ, что онъ не останавливается долго на этомъ. Если бы, — говоритъ Фурье, — путемъ новаго торговаго строя удалось на одну четверть сократить торговыя издержки и торговыхъ агентовъ, то цѣна всѣхъ товаровъ понизилась бы на столько же. Вслѣдъ за этимъ производство увеличилось бы въ зависимости отъ роста спроса, благодаря пониженію цѣнъ, и въ зависимости отъ массы рукъ и капиталовъ, возвращенныхъ земледѣлію, вслѣдствіе сокращенія количества торговыхъ агентовъ. Какъ на одну изъ наиболѣе обычныхъ формъ выраженія ущерба, не говоря уже о прямомъ вздорожаніи продуктовъ, причиняемаго обществу торговлей, Фурье указываетъ на стремленіе торговцевъ разорить другъ друга. Онъ указываетъ на примѣръ Парижа, гдѣ тогда было 3,000 торговцевъ, между тѣмъ какъ достаточно было и 300. Ставъ столь многочисленными, — продолжаетъ онъ — они борятся между собой изъ-за сбыта, который затрудняется съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе прилива конкуррентовъ. Городъ, потребляющій 1,000 тоннъ сахара, когда онъ насчитывалъ только

[1]) Фурье обратилъ вниманіе и на фальсификацію продуктовъ, даже сельскихъ.

десять торговцевъ, не будетъ потреблять больше, если число торговцевъ достигнетъ 40, какъ это видно изъ примѣровъ многихъ городовъ Франціи. Теперь отъ этой стаи купцовъ слышишь жалобы на тихій ходъ торговли, между тѣмъ какъ они должны бы жаловаться на излишнее количество торговцевъ. Они тратятся на рекламы и на то, чтобы превзойти другъ друга; они выбрасываютъ бѣшеныя деньги для того, чтобы имѣть удовольствіе уничтожить конкуррента. Мнѣніе, что купецъ поглощенъ только своимъ матеріальнымъ интересомъ, не точно: онъ является также рабомъ своей чести. Одни изъ нихъ разоряются, вслѣдствіе безсмысленной чести ворочать грандіозными предпріятіями, другіе—вслѣдствіе маніи уничтожить сосѣда, успѣхъ котораго приводитъ въ отчаяніе. Торговое тщеславіе, хотя и скрытая, но сильная страсть, и если лавры Мильтіада мѣшали спать Ѳемистоклу, то можно также сказать, что хорошая торговля одного лавочника нарушаетъ сонъ другого. Отсюда проистекаетъ безумная конкурренція, которая вредитъ самимъ торговцамъ и за которую въ концѣ концовъ расплачиваются потребители.

Когда при другомъ разумномъ соціальномъ режимѣ число купцовъ и лавочниковъ сократится на девять десятыхъ, тогда легіонъ другихъ индивидуумовъ, который непродуктивно существуетъ въ зависимости отъ современной организаціи торговли, исчезнетъ. Излишне будутъ таможенные чиновники, число которыхъ еще тогда равнялось для Франціи 24,000. Съ уничтоженіемъ таможенныхъ пошлинъ, которое Фурье считаетъ необходимымъ не только цо экономическимъ, но и культурнымъ соображеніямъ (вѣдь такимъ образомъ получаются средства для сохраненія паразитнаго и опаснаго для общества класса военныхъ и бюрократовъ), исчезнетъ, конечно, и контрабанда, безполезно увеличивающая сумму движеніи и силъ, нужную для прямого транспорта. Наблюдалось — продолжаетъ Фурье — что матеріи, пересылаемыя изъ Доуэра въ Калэ, шли черезъ Гамбургъ, Франкфуръ Баезль,

и Парижъ, т.-е. сдѣлали лишнихъ 500 миль. Однако и безъ этого, число транспортныхъ обществъ, представляющихъ, вслѣдствіе безпорядочно перекрещивающихся торговыхъ предпріятій, гораздо большее количество, чѣмъ это нужно для раціонально организованнаго товарообмѣна, можно бы уменьшить на двѣ трети. Далѣе слѣдовало бы уничтожить лоттерею, игорные дома, рыцарей индустріи, проститутокъ, разбойниковъ, мошенниковъ, жандармовъ и адвокатовъ, которые въ новомъ строѣ, гдѣ спекуляція и принципъ меркантильности не будутъ имѣть значенія, слѣдовательно не будутъ больше задѣваться и нуждаться въ защитѣ, окажутся излишними.

III.

Въ предыдущемъ мы ограничились приведеніемъ главныхъ моментовъ критики Фурье современнаго торговаго строя. Передавать вслѣдъ за нимъ подробности не стоитъ еще потому, что, по его собственному признанію, описаніе торговаго мошенничества во всѣхъ его варіаціяхъ потребовало бы огромнаго труда, равнаго всей „Энциклопедіи“, Однако Фурье не былъ бы піонеромъ коопераціи, каковымъ его справедливо считаютъ, если бы онъ сталъ только на точку неплодотворнаго отрицанія и не указалъ бы пути и средствъ для устраненія раскритикованныхъ темныхъ сторонъ. Уничтоженіе свободной конкурренціи не является для него устраненіемъ конкурренціи вообще, отрицаніе современной организаціи торговли—отрицаніемъ товарообмѣна, какъ общественно необходимой функціи. Въ цивилизованномъ, т.-е. существующемъ обществѣ—говоритъ авторъ—товарообмѣнъ есть душа общественнаго механизма. Простое упоминаніе о томъ, что земледѣліе и промышленность въ отдѣльныхъ странахъ и поясахъ находятся въ различныхъ стадіяхъ развитія и даютъ самые разнообразные продукты, ясно даетъ понять, что

и въ новомъ, *гармоническомъ* строѣ обмѣнъ товарами не будетъ играть ничтожной роли тѣмъ болѣе, что ростъ потребностей и утонченіе вкусовъ потребуютъ большого разнообразія жизненныхъ благъ. Однако организація товарообмѣна чрезвычайно упростится вслѣдствіе устраненія тысячъ и милліоновъ негодныхъ посредниковъ, усложняющихъ простую манипуляцію своею паразитною ростовщическою и интригующею дѣятельностью. Мѣсто безчисленныхъ отдѣльныхъ операцій въ торговлѣ займетъ сношеніе коопераціи съ коопераціей, предпосылкой котораго является солидарность и подчиненіе торговцевъ интересамъ производителей, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и собственниковъ. Ассоціація—говоритъ Фурье — замѣняетъ индивидуалистическую, несолидарную, лживую, сложную и произвольную конкурренцію кооперативною, солидарною, истинною и упрощенною конкурренціей... Одна промышленная фаланга [1]) (или соціетэрный кантонъ) будетъ заключать одну торговую сдѣлку вмѣсто 300 главъ семействъ, теряющихъ 300 дней для того, чтобы небольшими дозами сбыть или купить тотъ или другой товаръ. Фаланга продала бы все это сразу двумъ или тремъ сосѣднимъ фалангамъ или одной провинціальной агентурѣ. Но такъ какъ и въ будущемъ гармоническомъ обществѣ хорошему, стоющему продукту будетъ отдаваться преимущество передъ плохимъ и дорогимъ, то принципъ конкурренціи, жившій до сихъ поръ только въ полной противорѣчій индивидуалистической практикѣ торговли, будетъ примѣненъ и въ коллективной формѣ товарообмѣна между кантономъ и кантономъ, провинціей и провинціей, континентомъ и континентомъ.

Конечно, кооперативное соревнованіе въ производствѣ и въ предложеніи товаровъ можетъ развиться только тогда,

---

[1]) По мнѣнію Фурье, какъ македонская фаланга клиномъ врѣзывалась во вражеское войско, такъ его фаланга врѣжется въ современный строй. Названіе «фаланга» А. Бебель считаетъ удачнымъ.

когда осуществится соціетэрная система, какъ цѣлое, когда новая организація съ ея 500,000 фалангъ густою сѣтью покроетъ весь міръ. До тѣхъ поръ отдѣльныя и въ особенности опытная фаланга должны лучше замкнуться отъ окружающей ихъ экономической среды, во-первыхъ, для того, чтобы не подвергнуться пагубному вліянію меркантильнаго міра, а затѣмъ для того, чтобы въ полномъ блескѣ своего благоденствія подняться на темномъ фонѣ жалкаго современнаго хозяйственнаго строя. Первая фаланга должна служить моделью для всѣхъ другихъ; она должна быть первой пробой и должна завоевать весь міръ для ассоціаціи. Фурье былъ убѣжденъ, что свѣтъ ожидалъ только яркаго примѣра соціетэрнаго могущества, чтобы измѣнить свой индивидуалистическій образъ мыслей.

Излишне доказывать неосновательность послѣдняго взгляда. Какъ ни велико въ кооперативномъ дѣлѣ значеніе эксперимента, Фурье все-таки его очень переоцѣнилъ. Исторія показала, что онъ можетъ удасться только тамъ, гтѣ даны его экономическія и соціальныя предпосылки. Фурье презиралъ компромиссъ со своимъ временемъ, которое онъ обогналъ, но это не избавило его отъ компромисса съ людьми. Отъ послѣднихъ зависѣла не только реализація его перваго эксперимента, но и всей соціетэрной организаціи. Въ своей сястемѣ ему пришлось обѣщать самымъ вліятельнымъ изъ нихъ, т.-е. имущимъ, нѣкоторыя преимущества. Вслѣдствіе этого въ его системѣ получается іерархія должностей, различіе участія въ прибыляхъ, что не имѣетъ ничего общаго съ чистымъ кооперативнымъ принципомъ и, кромѣ того, не оказалось полезнымъ при позднѣйшихъ предпріятіяхъ кооперативнаго характера.

Фаланга Фурье образуется 1500 лицами, различающимися другъ отъ друга по возрасту, имуществу, характеру и знаніямъ, — которыя сообразно со своею дѣятельностью, выбираемой ими по своей склонности, разбиваются на большое

количество группъ (серій). Какъ только найдутся необходимыя для устройства фаланстеріума (комплексъ зданій фаланги) 4 милліона франковъ, то можно будетъ образовать его выпуска 400 акцій въ 10,000 франковъ каждая. Подобно вложенному капиталу, земля, машины, матеріалы, предоставленные въ распоряженіе предпріятія, будутъ приносить ихъ собственникамъ проценты, соотвѣтствующіе стоимости. Однако вступленіе въ фалангу не ставится въ зависимость отъ пріобрѣтенія акцій или какого-нибудь другого матеріальнаго взноса. Напротивъ, большинство фаланги составляютъ неимущіе люди, которымъ правленіе предоставляетъ въ теченіе одного года одежду, пищу, жилище и другіе необходимые предметы. Преимущество передъ ними владѣльцевъ акцій заключается въ томъ, что они получаютъ извѣстный процентъ. Въ фалангѣ распредѣленіе годичной прибыли производится такъ, что $^5/_{12}$ достаются ручной работѣ, $^4/_{12}$ капиталу и $^3/_{12}$ таланту, т. е. теоретическимъ и практическимъ знаніямъ. Владѣлецъ якціи можетъ быть также и пассивнымъ членомъ, т. е. не работать въ фалангѣ. Въ такомъ случаѣ онъ теряетъ право на прибыль, выдаваемую ручному труду и таланту.

Руководство предпріятіемъ принадлежитъ правленію, состоящему изъ имущихъ и изъ наиболѣе знающихъ акціонеровъ. Ему предоставлено вести особый счетъ для каждаго индивидуума, будь это мужчина, женщина или ребенокъ, ибо дѣти довольно рано будутъ привлечены къ производительной дѣятельности. Далѣе, на обязанности правленія лежитъ дѣлать закупки для фаланги до тѣхъ поръ, пока она изолирована и не имѣетъ своего запаса земледѣльческихъ продуктовъ. Въ рукахъ другой корпораціи, а именно у ареопага или индустріальнаго совѣта находится техническое руководство сельско-хозяйственными и ремесленными работами, выполняемыми серіями. Ни одно изъ вышеприведенныхъ правленій не обладаетъ диктаторскими полномочіями или принудительною властью. Напротивъ того, всѣ рѣшенія зависятъ отъ голосо-

ванія товарищей, политически пользующихся режимомъ чистой демократіи.

Какъ показываетъ этотъ бѣглый взглядъ на организацію фаланги, она имѣетъ смѣшанный характеръ, ибо ей свойственны характерныя черты какъ капитализма, такъ и соціализма, и въ общемъ является нѣсколько фантастическимъ отраженіемъ еще не развитаго и едва обрисовывающагося хозяйственнаго строя. Кто замѣтитъ противорѣчащую современному взгляду на сущность коопераціи іерархію въ фаланстерѣ и потому отнесется отрицательно ко всей системѣ, тотъ забудетъ конечную цѣль послѣдней: взаимное привлеченіе индивидуумовъ и равновѣсіе потребностей. Здѣсь не мѣсто для выясненія общественной реформы Фурье въ психологическомъ отношеніи, для выясненія того, какъ, осуществленная привлеченіемъ индивидуумовъ посредствомъ труда и равновѣсія потребностей, система ведетъ къ развитію соціальнаго равенства. Замѣтимъ только, что Фурье отодвигаетъ осуществленіе своей организаціи на широкой основѣ въ будущее, ибо фаланстерный строй несовмѣстимъ съ современнымъ строемъ.

Тѣмъ не менѣе, Фурье, подобно всѣмъ обновителямъ общественнаго строя, былъ вынужденъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, сдѣлать своимъ современникамъ болѣе практическія предложенія, указать на то, что и частичное осуществленіе его теоріи способно до нѣкоторой степени умѣрить современное ему народное бѣдствіе. Поэтому онъ, исходя изъ непосредственныхъ потребностей мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ, рекомендовалъ учрежденіе коммунальныхъ конторъ. Нужно, заявилъ онъ, сдѣлать кантонъ, по крайней мѣрѣ, тѣнью, охватывающей весь механизмъ (земледѣліе, промышленность и торговля) ассоціаціи. Коммунальная контора-фаланга въ сокращенной формѣ представляетъ изъ себя ни что иное, какъ сочетаніе муниципальнаго соціализма съ коопераціей. Задачи, приписываемыя Фурье этому институту, слѣдующія:

1) Сокращеніе домашнихъ издержекъ для бѣдныхъ, а также для небогатыхъ семействъ на половину.

2) Постепенное освобожденіе отъ общинныхъ налоговъ.

3) Предоставленіе ссудъ за минимальные проценты каждому сельскому хозяину, имущество котораго представляетъ нѣкоторую гарантію.

4) *Снабженіе индивидуумовъ разнообразными товарами за дешевую цѣну посредствомъ устраненія лавочниковъ и спекулянтовъ.*

5) Пріисканіе классу неимущихъ постоянной, разнообразной и выгодной работы, какъ сельскохозяйственнаго, такъ и промышленнаго характера.

Разнообразіе и важность приведенныхъ задачъ показываютъ, что въ коммунальной конторѣ соединяются всѣ нити производства, товарообращенія и кредитныхъ сношеній. Большіе магазины служатъ для пріема сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; послѣдніе принимаются за нѣкоторую плату, идущую на содержаніе правленія. На двухъ или трехъ фабрикахъ, занимающихъ рабочія руки, не занятыя въ земледѣліи, изготовляются орудія, инструменты, домашняя утварь и другіе необходимые предметы. Товарное обращеніе въ формѣ продажи въ розницу или обмѣна съ другими совершенно также организованными общинами руководится избранными и отвѣтственными служащими. Пища будетъ готовиться въ большой усовершенствованной кухнѣ сразу для всѣхъ, и такимъ путемъ женщины сберегутъ много времени, а отдѣльныя хозяйства— много топлива. Развивая дальше эту мысль, Фурье требуетъ учрежденія коммунальныхъ прачешенъ, пекаренъ, аптекъ, квартиръ и коммунальнаго воспитанія дѣтей.

Приведенный проектъ, несмотря на его большую простоту и практичность, все-таки требовалъ болѣе развитыхъ экономическихъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя господствовали во времена Фурье. Коммунальная акціонерная контора (Comptoir communal actionnaire) Фурье представляетъ болѣе синтезъ

того, что въ будущемъ можетъ осуществить коопераціи въ связи съ мудрой муниципальной политикой. Этотъ планъ, какъ цѣлое, носитъ отпечатокъ геніальной оригинальности мышленія Фурье, предвидѣвшаго взаимодѣйствіе коопераціи съ муниципализаціей. Тутъ заслуга открытія принадлежитъ одному ему, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ онъ опирался на достойныхъ предшественниковъ. Въ искусствѣ психическаго анализа, въ изслѣдованіи чисто духовныхъ условій процесса общественнаго преобразованія ему не уступитъ Платонъ въ своей «Республикѣ». Однако, ни у Платона, ни у послѣдующихъ сочинителей утопическихъ системъ нельзя найти разумныхъ предложеній о способѣ органическаго регулированія отношеній между производствомъ и потребленіемъ въ новомъ обществѣ. Въ „Солнечномъ государствѣ“ Кампанеллы изготовленныя обоими полами потребительскія блага распредѣляются властями сообразно съ „принципомъ равенства“. У Томаса Мора, въ „Утопіи“ котораго земля составляетъ общественную собственность, только вскользь говорится, что продукты крестьянъ и ремесленниковъ переносятся по приказанію властей въ магазины и предоставляются индивидуумамъ пропорціонально ихъ потребностямъ.

IV.

Мы уже указывали на то, что въ системѣ Фурье принимаются во вниманіе интересы, главнымъ обазомъ, сельскаго хозяйства, но это не мѣшаетъ великому соціалисту приписать активную роль въ обновленіи культурной жизни и индустріи, какъ ни ничтожна она была въ то время. Поскольку его теорія опиралась на единичные и слабые зародыши крупной индустріи, постольку она естественно должна была носить гипотетическій характеръ, и кое что въ этой теоріи должно казаться намъ фантастическимъ и ни съ чѣмъ несообраз-

нымъ. Въ самомъ дѣлѣ, позднѣйшее техническо-индустріальное развитіе, грандіозные размѣры котораго превзошли самую пылкую фантазію, раздвинуло и измѣнило линіи его соціетэрнаго плана. Но съ другой стороны оно же сдѣлало возможнымъ выполненіе его главнѣйшихъ требованій. Большія фундаментальныя перемѣны въ старомъ строѣ, требуемыя фаланстерскимъ порядкомъ: планомѣрное взаимодѣйствіе всѣхъ силъ, широкое раздѣленіе труда, исполненіе огромныхъ культурныхъ работъ промышленными арміями,—могли совершиться только благодаря побѣдѣ машины. А въ то время, когда Фурье выступилъ со своимъ соціетэрнымъ планомъ, только въ городѣ, гдѣ онъ жилъ (Ліонъ), были зачатки крупной промышленности, и свѣтъ, если бы имъ даже не овладѣли рутина и ненависть ко всему новому, не могъ бы санкціонировать этого плана, такъ какъ не было на лицо матеріальныхъ условій, необходимыхъ для его выполненія. На континентѣ Европы паръ не приводилъ еще въ движеніе ткацкаго станка, колеса паровоза не катились еще по рельсамъ, и если Фурье считалъ одною изъ обязанностей индустріальныхъ фалангъ осушать болота, насаждать лѣса, прорыть Суэцкій и Панамскій каналы, покрыть пустыню Сахару сѣтью каналовъ, то для выполненія всего этого можно было рекомендовать только самые элементарные способы технически совершенно отсталой эпохи. Но какъ его пророческій взглядъ предвидѣлъ свѣтъ будущей творческой эпохи, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Онъ говоритъ о дрессированномъ львѣ, который въ „Гармоніи“ переноситъ своего сѣдока изъ Калэ черезъ Парижъ и Ліонъ въ Марсель въ одинъ день. Въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ, какъ сносятся между собой центральныя группы соціетэрной организаціи. Онѣ сносятся между собой сигналами, посредствомъ которыхъ всякій можетъ разговаривать изъ своего бюро со всѣми индиивидуумами, не производя шума и замѣшательства.

Послѣдняя фантазія Фурье несомнѣнно напоминаетъ современный телефонъ.

Несмотря на свою геніальность и неудержимое стремленіе осчастливить страждущее человѣчество, Фурье въ концѣ жизни попалъ въ конфликтъ съ родственными съ нимъ по соціалъ-философскимъ убѣжденіямъ великими людьми. Между нимъ и его современниками, Сенъ-Симономъ и Робертомъ Оуэномъ, произошли разногласія, причиной которыхъ являются главнымъ образомъ различія въ исходныхъ пунктахъ ихъ стремленій. Фурье, какъ мы видѣли, исходитъ изъ психологическаго факта: подавленія потребностей и ослабленіе притягательной силы въ современномъ обществѣ. Съ рѣшеніемъ возникающей изъ этого положенія проблемы онъ связывалъ рѣшеніе другихъ организаціонныхъ вопросовъ. С.-Симонъ и Оуэнъ, какъ бы они въ остальномъ ни расходились между собой, ближе подошли къ принципу приспособленія къ органически образующемуся. Они болѣе, чѣмъ Фурье, смотрѣли на весь процессъ соціальнаго переворота съ точки зрѣнія экономическаго развитія. Сенъ-Симонисты были и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дѣлались воодушевленными прославителями крупной промышленности. Этимъ самимъ они нѣсколько напоминали либераловъ, для которыхъ имѣютъ значеніе подымающія, а не подавляющія тенденціи индустріализма. Въ критикѣ современнаго строя Фурье безусловно превосходилъ ихъ, но зато они были выше его въ широтѣ своей исторической концепціи, а Робертъ Оуэнъ превзошелъ его еще практическимъ пониманіемъ способовъ достиженія ближайшихъ цѣлей. Поэтому, полемика Фурье со своими знаменитыми современниками въ нѣкоторыхъ пунктахъ безусловно не основательна, и мы не коснемся ея тѣмъ болѣе, что она носитъ личный характеръ.

Однако, несмотря на все это, какой неувядаемой славой покрылъ себя Шарль Фурье! На порогѣ 19-го столѣтія лучи его живого и плодотворнаго духа во всѣхъ направленіяхъ

пронизываютъ темное окружающее. Соціализмъ уже съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени во всѣхъ культурныхъ странахъ считаетъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся своихъ предшественниковъ. Еще недавно, не говоря уже о давнишнихъ примѣрахъ, въ статьяхъ въ „Petite République“ и въ „l'Humanité“, Жанъ Жоресъ прославлялъ выдающуюся критическую способность Фурье. Тотъ же Жоресъ въ своей блестящей рѣчи: „Le „Travail“ d'Emile Zola“ (Paris, 1901), съ воодушевленіемъ восклицаетъ: „Въ тотъ часъ,когда Наполеонъ мечталъ создать единство людей саблей, въ тотъ часъ, когда его великая противница, Англія, въ свою очередь мечтала создать это единство торговымъ господствомъ, въ часъ, когда банкъ оспаривалъ у пушки владычество надъ человѣчествомъ, освободившимся наканунѣ и попадавшемъ въ новое рабство, въ этотъ моментъ Фурье мечталъ о единствѣ человѣчества, которое должно осуществиться не путемъ военнаго насилія, не путемъ торговой эксплоатаціи, не посредствомъ французской жестокости, не посредствомъ англійской меркантильности и хитрости, а посредствомъ расширенія ассоціаціи свободныхъ людей, которая съ самаго начала дастъ другимъ примѣръ согласія и счастія, примѣръ, который изъ Европы распространится на другіе континенты и мало по малу пріобщитъ ихъ къ высшей цивилизаціи“ (стр. 18-ая).

Извѣстный вѣнскій профессоръ и соціалистъ Антонъ Менгеръ въ своей книгѣ „Neue Staatslehre“ пользуется планомъ Фурье, какъ моделью для группъ и общинъ будущаго демократическаго рабочаго государства. Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ Фурье не раздѣляется всей нѣмецкой соціалистической литературой. Его имя обыкновенно упоминается для того, чтобы лишній разъ показать фантастичность и недостатки его системы сравнительно съ доктриной Маркса. Его характеризуютъ какъ утописта, чѣмъ онъ безусловно былъ только для своей эпохи, и думаютъ, что этимъ

объясняютъ его историческое значеніе. Говоря это, мы конечно не сомнѣваемся въ превосходствѣ.

Маркса, ибо послѣдній ярко выяснилъ и формулировалъ необходимость классовой борьбы, чего не могъ сдѣлать Фурье. Нѣкоторое исключеніе изъ отношенія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ къ Фурье составляютъ Грейлихъ и Бебель. Послѣдній написалъ въ 1890 году книгу о Фурье, въ которой на страницѣ 293-й говоритъ, что „*идеи Фурье при будущемъ новообразованіи общественнаго строя*, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, но все-таки *возродятся*, между тѣмъ какъ его критика буржуазнаго строя уже теперь раздѣляется милліонами людей, которые никогда не видѣли ни строчки его произведеній“.

Итакъ, какъ бы мы ни критиковали отдѣльныя стороны ученія Фурье, установлено, что онъ оригинальный мыслитель, остроумный наблюдатель общественныхъ непорядковъ и прежде всего блестящій критикъ анархіи капиталистическаго производства и торговли, предлагающій мѣры къ устраненію этой анархіи. Благодаря послѣднему обстоятельству, онъ считается однимъ изъ величайшихъ соціалистовъ міра, а кооперативное движеніе цѣнитъ и почитаетъ его, какъ своего отца.

Книгоиздательство „ЛУЧЪ“,

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу:

Л. Крживицкій.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переводъ *Крживицкой.*

Съ предисловіемъ и подъ редакціей *Л. Крживицнаго.*